

ПЕЧАТЬ И РЕВОЛЮЦИЯ

**ЖУРНАЛ
ЛИТЕРАТУРЫ
ИСКУССТВА
КРИТИКИ
И БИБЛИОГРАФИИ**

1923

КНИГА СЕДЬМАЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ЧЕХОВИАНА ЗА 1917—1922 гг.

Библиографический обзор сочинений Чехова, воспоминаний и критико-биографической о нем литературы за пятилетие.

Ю. Соболев.

I. Сочинения Чехова. а) *изданные в Р.С.Ф.С.Р.* 1) «Ванька», изд. Культ.-просв. отд. Союза Построечн. новых жел.-дорожн. линий Арзамас—Шихраны, М. 1918; 2) «На подводе» («Учительница») — того же изд.; 3) «Дом с мезонином». Библ. русск. писателей. Изд. Отд. книжн. торговли Моск. Сов. Р. К. Дец. М. 1919 г.; 4) «Рабы души» (содерж.: «Капитанский мундир», «Отставной раб», «Смерть чиновника», «Толстый и тонкий», «Мелюзга», «Маска», «Размазня», «Беспокойный гость», «Месть»), серия Народн. Библ., под редак. В. В. Вересаева. Госиздат. Петерб. 1920. Той же серии, того же издат.; 5) «Вне жизни» и 6) «День за городом» (сборн. отдельн. расск.); 7) «Веселые рассказы». Серия Народн. Библ. Изд. Лит.-Издат. отд. Народн. Комисс. по Просв. М. 1919; 8) того же издательства, той же серии (№ 128) «Мужики» (содерж.: «Мужики», «Темнота»); 9) того же изд-ва, той же серии (№ 132); 10) «Недавняя Русь» (содерж.: «Унтер Пришибеев», «Хамелеон», «Справка», «Надлежащие меры», «Лев и солнце», «Человек в футляре»). М. 1919; 11) «Свадьба», «Юбилей», «О вреде табака». Изд. Театр. Отд. Наркомпр. М.-Пет. 1919. (Серия реперт. «Русск. театра № 25. На обложке: А. П. Чехов 1858 (? Ю. С.)—1904».

То же, б) *изданные вне Р.С.Ф.С.Р.* 1) «А. П. Чехов. Избран. сочинения». Т. I. Редакц., вступит. статья и примеч. Е. Замятина. Изд. З. И. Гржебина. Берлин—Москва. 1921, стр. 374+XXII. 2) Издат. И. Л. Ладыжникова, серия «Русской библиотеки». № 10 «Лишние люди» (расск. и очерки), № 17 «Житейская мелочь», № 23 «Стень», № 25 «Дуэль», № 41 «Черный монах», № 42 «Мужики» № 47 «Драмы и комедии» (эти же тома повторены в виде «Издания сочин. Чехова в 7 т.»). 3) Отдельно издан. пьесы: «Вишневый сад», «Дядя Ваня», «Иванов», «Три сестры», «Чайка» и 4) Рассказы «Моя жизнь» и «Мужики». 5) Издат. «Мысль» (Берлин). Серия «Книга для всех»: № 21 «Мелкие рассказы», № 28 «Юмористические рассказы», № 34 «Детвора», № 84 «Роман с контрабасом». 6) Русско-Болгарское издат. (София): а) «Сирена», «Тайна», б) «Дама с собачкой» и «Гина» и в) «Дочь Альбиона», «Роман с контрабасом» и др. расск. «Театральный сборник». 10 одноактн. пьес (Тургенев, Гоголь, Чехов: «Медведь», «Предложение», «Лебединая песнь»). (Изд. Ладыжникова. Берлин).

II. Письма Чехова: 1) «Новые письма» (из собран. Пушкинск. Дома. Под редакц. Б. Л. Модзалевского. Изд. «Атеней». П. 1922, стр. 132. 2) «Радуга». Альманах Пушкинск. Дома. Петр. 1922. (Письма Чехова к Полонскому. С объяснением Е. П. Покровской); 3) «Летопись дома литераторов», № 1, 1921. Петерб. (4 письма Ч. к А. Ф. Червинскому); 4). «Отчизна», сборн. 1. «Русское К-во в Крыму». Симфер. 1919. А. П. Чехов. Неизданные письма. (С прим. А. Дермана).

III. Воспоминания о Чехове: 1) Вас. II. Немирович-Данченко «О Чехове». Из кн. «На кладбищах». Изд-во «Библиофил». Ревель. 1922; 2) О. Л. Книппер-Чехова. «Из моих воспомин. о Художествен. Театре и об А. П. Чехове». «Сборник Художествен. Т-ра за рубежом». Изд-во «Наша Речь». Прага. 1922.

I.

Мы не имеем полного собрания сочинений Чехова. То, что было выпущено сперва Марксом (первые 12 томов в 1903 г., дополнительные — в 1911 г.), а затем переиздано Госиздатом, печатавшим по марксовским матрицам и давшим лишь новую обложку (с портретом, напоминающим кляксу) — не может удовлетворять требованиям, естественно предъявляемым к произведениям классиков. Эти 24 книжки, во-первых, не являются *полным* собранием сочинений Чехова, ибо в них отсутствует огромная часть того, что писалось Чеховым в эпоху «комаров и мух» Антоши Чехонте, а во-вторых, они и в малой мере не могут служить целям научного исследования, уже давно поставленным в историко-литературном подходе к Чехову. Необходимо иметь все, что написано Чеховым, и не только его юморески, хотя и в них много ценного, но и такие его вещи, как «История медицинского дела в России», остающаяся до сих пор в рукописи, или опыты его публицистики, частично перепечатанные в сборнике «Слово» (кн. 2. М. 1914) и в 23 томе «Полн. собран. сочинений» (издан. Наркомпроса. П. 1918), и иметь это надлежит в комментированном виде, т.-е. в издании, снабженном примечаниями, списком имен, хронологической таблицей и пр. Нам известно, что некоторые шаги к осуществлению этого необходимейшего начинания по изданию *полного* Чехова предприняты Обществом и Комитетом музея его имени в Москве. Госиздат, вступивший уже на путь нового, научного вида изданий наших классиков, очевидно, поможет Чеховскому Обществу, кстати сказать, располагающему весьма ценными материалами по Чехову. Но пока это осуществится, приходится считаться с тем, что имеется «под рукой», и что появляется на книжном рынке как более или менее значительная вариация «марковского и «наркомпросского» изданий.

В промежуток между 1917 и текущим годом, целый ряд издательств (в России до 1922 г. исключительно государственных) выпускал отдельные рассказы или циклы рассказов Чехова.

В особенности много и охотно печатали Чехова зарубежные издательства. Так, перед нами лежит сейчас выпуск 47 «Русской Библиотеки» издат. Ладыжникова, — «Драмы и Комедии» А. П. Чехова. Это объемистый, в 634 страниц убористой печати, том, включающий в себе все драматические произведения Чехова. Текст — перепечатка из соответствующих томов марковского собрания. Однако, находим новшество: слабую попытку редакционного вмешательства: под каждой пьесой обозначена дата ее написания. Даты, однако, неточны: «Иванов» отнесен к 1888 году, вместе 1887 г., а «Чайка» к 1896 г., тогда как мы имеем вполне определенное указание самого Чехова: в письме от 21 ноября 1895 года он сообщает кн. А. И. Урусову: «вчера (т.-е. 20 ноября 1895 г. — курсив мой. Ю. С.) я кончил но-

вую пьесу, которая носит птичье название «Чайка». Дата написания «Дяди Вани» отсутствует,—видимо, по незнанию. Странно, что, расположив пьесы в хронологическом порядке, редактор помещает «Лешего» не только не рядом с «Дядей Ваней», который, как известно, является переработкой «Лешего», что и стало бы очевидным при непосредственном следовании второй редакции пьесы («Дядя Ваня») за первой, т.-е. за «Лешим»,—нет, редактор (аноним) умудрился напечатать «Лешего» *после* «Вишневого сада»! Если еще указать на большое количество опечаток и на весьма плохенькую бумагу серовато-грязноватого тона—то халтурный, выражаясь ходовым теперь термином, тип этого зарубежного издания станет вполне ясным.

Совсем иное впечатление оставляет первый том избранных сочинений Чехова, изданных в 1921 г. З. И. Гржебиным. Чехов выпускается этим, столь широко на первых порах размахнувшимся, издательством по тому же типу, по которому уже выпущены «избранный Лермонтов» (в превосходной редакции А. Блока) и Горький.

Самый заголовок («Избранные сочинения») определяет до известной степени характер издания, преследующего основную задачу дать то, что наиболее полно и ярко характеризует данного писателя. Необходимость снабжения подобного рода издания редакторскими примечаниями—естественна. Чехова редактировал Евг. Замятин, давший вступительную статью и примечания... Насколько можно судить по первому тому (Чехов рассчитан на 3 тома), Е. И. Замятин располагает рассказы в порядке хронологическом, начиная от самых ранних вещей (со «Смерти чиновника», датированной 1883 г.) и заканчивая первый том рассказом «Воры», относящимся к 1890 г. Не возражая против самого принципа размещения материала, хочется все же указать, что первый том должен бы был закончиться «Степью» (1887), как вещью, стоящей на новом рубеже чеховского творчества. «Степь»—особенно отметна именно тем, что она являет опыт перехода Чехова к новой манере, к новой форме—от маленькой новеллы к большой повести, о чем весьма убедительно говорит проф. Н. К. Пиксанов в своем очерке «Чехов за работой над «Степью» (газ. «Моск. Понедельник», № 6, 1922).

Что же касается самого выбора рассказов, то он свидетельствует о внимательном изучении редактором Чехова, который представлен не только такими популярными вещами, как «Хирургия», «Смерть чиновника», но и такими, как «Рано» или «Казак», взятыми из сравнительно мало известных дополнительных томов марковского издания. Следует отметить, что все иностранные слова тщательно объяснены и переведены, что делает издание широко популярным.

Примечаний немного. Но краткие, и, вместе с тем, дающие как раз то, что нужно, они приятны своим немногословием: нет ничего отвратительнее издания, в котором комментарий заслоняет самого автора. Вступительная статья Замятина в сжатом очерке дает биографию Чехова и общую характеристику его творчества. Очень большая заслуга Замятина в том, что он нашел хороший тон и для рассказа о жизни Чехова, и для поясне-

ния основных моментов его мастерства. Замятин чужд лирико-панегирической манеры, обычно столь раздражающей своею слащавой иконописностью. Он говорит о жизни писателя просто, правдиво и как раз те слова, которые приличествуют Чехову—сдержанному и углубленному человеку. Хорошо и то, что очерк Замятина обходится без таких стертых пятак, как шаблонные (и, скажем попутно,—неверные) суждения о нем, как о «певце сумерек», «поэте вишневых садов», хмуром человеке, интеллигенте-нытике и проч. Напротив: Замятин, пользуясь всеми теми биографическими подробностями, которые дает нам переписка Чехова,—рисует облик писателя в ином, более отвечающем его природе, свете; старается вскрыть в Чехове его общественно-политические интересы, влечения и симпатии. Но в этом отношении Замятин невольно перегибает палку. Для него Чехов, даже начала 90-ых годов, писатель «все больше и все глубже вглядывающийся в жизнь и задумывающийся над темными ее сторонами». Замятин утверждает, что и на Сахалин едет Чехов потому, что задумался над тем, что «мы сгноили в тюрьмах миллионы людей, сгноили зря, без рассуждения, варварски». Цитируя эту фразу из чеховского письма к Суворину, Замятин полагает, что именно эти соображения и были одной из главных причин, побудивших Чехова предпринять поездку.

Вряд ли это так. Ведь в том же письме, из которого взял Замятин приведенную выше фразу (кстати сказать, ее следовало бы цитировать полностью, а не обрывать на половине), Чехов говорит, что поездка даст ему возможность «написать 100—200 страниц» и этим «хоть немножко заплатить своей медицине, перед которой, как Вам известно, я—свинья». Но не только это побуждение жило в Чехове. Есть и еще один глубоко знаменательный для его, чисто писательской, психологии момент, о котором говорит Чехов так:

«Пусть даже поездка не даст мне ровно ничего; но неужели все-таки за всю поездку не случится таких 2—3 дней, о которых я всю жизнь буду вспоминать с восторгом или горечью (письмо к Суворину от 9 марта 1890 г.). Вот это сплетение разных побуждений—и на ряду с ними почти нескрываемая мечта оставить след в медицине, и вообще в науке, работой о Сахалине—а вовсе не только мотив общественно-гражданский—и побудило, конечно, Чехова предпринять поездку.

* * *

Для полноты обзора изданных за эти годы сочинений Чехова следует указать на книжечку «Бежим в страну краснокожих» (М., изд. «Книга», 1923), в которой помещен рассказ «Мальчики», названный здесь почему-то «Монтигомо-Ястребиный коготь».

Странная вообще эта книжечка и странное, в частности, обращение со стороны редактора (хотя им и является очень известный библиограф И. В. Владиславлев) с чеховским рассказом: почему, во имя каких соображений и ради каких целей подвергся он жесточайшей вивисекции? Уж не говоря о ничем необъяснимой и произвольной замене заглавия, но и

самый текст Чехова искажен купюрами, совершенно непонятными и ровно ничем не вызванными. Почему, например, понадобилось опускать одну из очаровательнейших сцен рассказа—описание приезда мальчиков? Чем объяснить и другие пропуски—я насчитал, напр., 3 больших купюры в дальнейшем тексте рассказа?

Если вызвано это соображениями, так сказать, легальной возможности перепечатки из национализированного собрания сочинений Чехова, то, во всяком случае, это следовало бы оговорить.

Чехова, да к тому же изданного на потребу юного читателя, приличествовало бы издать в неискаженном виде.

Дабы исчерпать библиографию сочинений Чехова, вышедших за эти пять лет, упомянем о двух изданиях, в которых перепечатки чеховских рассказов служат целям... агитации за санитарное просвещение. Это, во-первых, сборник популярных статей «Санитарное просвещение», изданный в 1922 г. Санпросветом Москздрави, где находим «Скорую помощь», комментированную очень беглым очерком санитарного врача Н. Швайцера «Чехов и Успенский—изобразители санитарного невежества»; затем санитарная газета, чисто агитационного характера, посвященная борьбе с сыпным и возвратным тифом,—газета, носящая выразительное название «*Вошь*»—здесь, рядом с лозунгами в роде «Не велика вошь, а не увидишь, как умрешь», или «Всяк Еремей избавляйся от вшей», рядом с отрывками из романа Гамсуна «Роза» («Вшивый») и одной из глав «Войны и мира» Л. Толстого (сцена в госпитале из 2 тома, 2 часть, глава 17)—целиком перепечатан и чеховский рассказ «Тиф», очевидно, как образец научно-точного и клинически-верного изображения в художественной литературе заболевания тифом.

II.

Переходя к обзору изданий новых писем Чехова, укажу на 4 письма Чехова к Ф. А. Червинскому («Летопись дома литераторов», № 1. Петроград. 1921 г.)

Письма мало интересны и упоминаются лишь в целях, так сказать, полноты библиографического указателя. Надо вообще отметить, что 6 томов писем Чехова, вышедших под редакцией М. П. Чеховой (издание давно уже разошлось), далеко не включают всю переписку Чехова.

В музей имени Чехова в Москве начинают поступать неопубликованные письма к целому ряду лиц (напр., интересные письма к покойному драматургу Гославскому, переданные его вдовой, неопубликованные письма Ч. к проф. Г. И. Россолимо, письма к артисту МХТ А. Л. Вишневному и др.). В распоряжении сына В. Гольцева имеются также неопубликованные письма Чехова—к его отцу (помимо тех, что уже были помещены в «Архиве Гольцева»). Но особенно большое собрание чеховских писем хранится в Пушкинском Доме, которым даже выпущен целый томик «Новых писем Чехова» под редакцией Б. Л. Модзалевского (изд. «Атеней». ПТБ. 1922).

В томике 50 писем к лицам, охватывающих очень большой период жизни Чехова—с 1884 по 1904 год. Письма адресованы: И. Л. Леонтьеву-Щеглову (18 писем), В. Л. Кигну-Дедлову (7 писем), Н. И. Стороженке (1 письмо), Ф. Д. Батюшкову (8 писем), С. С. Татищеву (1 письмо), к Сергеенко (3 письма), Грюнбергу (2 письма), Марксу (6 писем), П. Н. Полевому (1 письмо), А. Н. Веселовскому (1 письмо). Кроме того, в сборнике «Новых писем» опубликован текст шуточной басни Чехова («Шли однажды через мостик жирные китайцы») по автографу А. П. из архива Т. Л. Щепкиной-Куперник (текст басни, однако, уже известен—он неоднократно был перепечатан в газетах в июле-августе 1904 г.).

Таким образом, если исключить чисто деловую переписку с Сергеенко, Марксом и секретарем конторы журнала «Нива» Ю. О. Грюнбергом,—переписку, касающуюся продажи Чеховым, через посредство Сергеенки, литературного права на свое полное собрание сочинений Марксу,—если исключить эти письма, то остальные окажутся адресованными только к писателям и литераторам. Поэтому естественен тот интерес, который эти письма к себе вызывают.

Однако, в письмах мы находим не слишком много нового, ценного и важного, как в отношении биографическом, так (в особенности) и в смысле установления подробностей, знакомящих с лабораторией чеховского творчества.

Но есть одно чрезвычайно важное признание Чехова, зафиксированное в письме его к Ф. Д. Батюшкову от 15-XII-1897 г. Письмо это в извлечениях уже печаталось в воспоминаниях самого Батюшкова в сборнике «На памятник Чехову»,—но теперь, с восстановленными пропусками, оно приобретает огромное значение в смысле установления того творческого метода, которым руководствовался Чехов.

— «Я умею писать,—читаем мы здесь,—только по воспоминаниям и никогда не писал непосредственно с натуры. Мне нужно, чтобы память моя процедила сюжет и чтобы на ней, как на фильтре, осталось только то, что важно или типично».

Во всем новом томике писем это единственное, пожалуй, указание, имеющее значительную ценность для будущего исследования «писательской манеры Чехова». Остальные письма, являющиеся прекрасными образцами эпистолярной литературы, как и вообще вся переписка Чехова, о чем, впрочем, установилось единодушное мнение уже после первого, случайно собранного тома писем в издании и под редакцией Бочкарева,—письма из собрания Пушкинского Дома мало чем дополняют знакомый облик писателя.

Но невольно хочется процитировать несколько строк из одного, впервые публикуемого письма к В. Л. Кигну:

«Я все похварываю (письмо датировано 10 ноября 1903 года, т.-е. за год до смерти Чехова), начинаю уже стариться. Скучаю здесь, в Ялте, и чувствую, как мимо меня уходит жизнь и как я не вижу много такого, что, как литератор, должен бы видеть. Вижу только и, к счастью, понимаю, что жизнь и люди становятся все лучше и лучше,

умнее и честнее—это в главном, а что помельче, то уже слилось в моих глазах в одноцветное серое поле, ибо уже не вижу, как прежде...»

Замечательные строки: в новом свете рисуют они Чехова, о котором избитые суждения, затертые, как разменная монета, установили противнейший трафарет, с которого до сих пор и отливаются изображения Чехова, как пессимиста, поэта «сумеречных настроений» и т. п.

«Жизнь и люди становятся лучше, умнее и честнее»—вот каким открывается мир этому «хмурому писателю», тяжело больному телом, но духом светло умудренному.

Томик писем снабжен редакторскими примечаниями Б. Л. Модзалевского, отнесшегося к своей задаче с усердием, иной раз, поистине, излишним. Примечания столь подробны и загромождены порой такими ненужными мелочами, что невольно вызывают в памяти едкие слова самого Чехова о том ученом, для которого главное было не в Шекспире, а в примечаниях к Шекспиру...

Повторяю, однако, что в смысле полноты и тщательности—работа выполнена Модзалевским превосходно.

Несколько писем Чехова к Полонскому, опубликованные в богатом историко-литературным содержанием «Альманахе Пушкинского Дома» «Радуга» (Петербург, 1922 г.) дадут ряд очень важных указаний каждому изучающему творчество Чехова. Они относятся к знаменательнейшему моменту в писательской биографии Чехова: в тот переломный момент его творчества, когда оно, оттолкнувшись от новеллы в жанре и в стиле Антоши Чехова, стремилось вылиться в новые для себя формы повести. Это—момент создания «Степи», о написании которой сообщает Чехов такие подробности (в письме к Полонскому от 181—88):

«В небольшой повести я изображаю степь, степных людей, птиц, ночи, грозы и проч. Писать весело, но боюсь, что от непривычки писать длинно я то и дело сбиваюсь с тона, утомляюсь, не договариваю и недостаточно серьезен. Есть много таких мест, которые не поймутся ни критикой, ни публикой,—той и другой они покажутся пустячными, не заслуживающими внимания, но я заранее радуюсь, что эти места поймут и оценят два-три литературных гастронома, а этого с меня достаточно. В общем моя повесть меня не удовлетворяет. Она кажется мне громоздкой, скучной и слишком специальной».

«Степь» потребовала от Чехова огромного творческого напряжения. Он и сам сознается в этом в одном из следующих своих писем к Полонскому: «На «Степь»,—говорит он,—пошло у меня столько соку и энергии, то я еще долго не возьмусь за что-нибудь серьезное».

За серьезное, однако, он принялся очень скоро. Но в промежутке, играючи, от «нечего делать», как он объясняет, написал «пустенький французский водевильчик под названием «Медведь».

Но памятуя, однако, что «положение обязывает», и что, будучи принят в «толстый журнал», он, тем самым, как бы добровольно отрекся от недавних своих увлечений «мелочами»—Чехов, полушутя, полусерьезно восклицает: «Ах, если в «Северном Вестнике» узнают, что я пишу

водевиль, то меня предадут анафеме. Но что делать, если руки чешутся и хочется учинить какое нибудь тру-ла-ла... Как ни стараюсь быть серьезным, но ничего у меня не выходит, и вечно у меня серьезное чередуется с пошлым. Должно-быть, планида моя такая» (22-II-1888).

На самом деле «серьезное» уже намечалось: через три месяца были написаны «Огни», напечатанные в июньской книжке «Северного Вестника», а в ноябрьском номере этого же журнала, предающего анафеме все водевильное,—появились трагические «Именины».

Но серьезное вечно чередуется с пошлым (как не совсем искренно называл Чехов свое органическое влечение к шаржу, гротеску, к забавной выдумке), и через год—в 1889—появляется «Предложение»...

В письмах к Полонскому находим также примечательную оценку, данную самим Чеховым своим рассказам: сообщая, что он издает новый сборник рассказов («Вторая книга рассказов Чехова», изданная Сувориным. СПб. 1888), А. П. говорит, что в этом «сборнике будет помещен рассказ «Счастье», который я считаю самым лучшим из всех своих рассказов».

В случайно дошедшем до Москвы сборнике «Русского книгоиздательства в Крыму»—«Отчизна», вышедшем в 1919 в Симферополе при Врангеле, помещены четыре коротеньких письма (точнее, даже 4 записки) Чехова к Е. М. Семенович—соседке А. П. по его именицу в Мелихове. Письма относятся к 1896—1897 гг. В редакционных к ним примечаниях А. Дерман говорит, что среди этих записок, постольку представляющих интерес, поскольку интересна вообще всякая мелочь, относящаяся к крупному человеку,—две следует выделить, как имеющие самостоятельное значение: одну, в которой находим рецепт ухода за розами, и другую, где читаем несколько трогательных строк о пастушонке Андрее, которого просит Чехов взять из больницы потому, что мальчик «выздоровел и теперь тоскует, плачет, а послать за ним некого».

Эти письма, в самом деле, очень характерны для духовного облика Чехова. Его нежную любовь к цветам отмечает и О. Л. Книппер в ее воспоминаниях, в которых она рассказывает о том, как не любил А. П. видеть «букетов», как сердился он, когда срезали или рвали цветы. А заботливость о «пастушонке» так естественна для автора «Ваньки» или трагического рассказа о том, как хотелось спать Варьке, задушившей ребенка в люльке («Спать хочется»)...

III.

За пятилетие совершенно спала волна воспоминаний о Чехове. Исключительно богатая (количественно, не качеством) литература мемуаров о Чехове, у которого, как известно, оказалось после смерти потрясающее число друзей-воспоминателей, за эти годы отмечена только двумя работами.

Это воспоминания О. Л. Книппер-Чеховой и Вас. И. Немировича-Данченко.

Воспоминания вдовы Чехова, как и следовало ожидать, оказались чрезвычайно ценным документом. Превосходно написанные, с тою благородной простотой и строгой сдержанностью, которая так к лицу по тону именно к воспоминаниям о Чехове, немногие страницы О. Л. Книппер («Из моих воспоминаний о Художественном Театре и об А. П. Чехове». Сборник статей «Артисты Московского Художественного Театра за рубежом», изд. «Наша Речь», Прага) живо и ярко рисуют знакомство Ольги Леонардовны с ее будущим мужем на одной из репетиций «Чайки» в Художественном театре и доводят рассказ до последних дней Чехова в Баденвейлере.

Глава, посвященная описанию кончины Чехова, оставляет огромное впечатление, и в чисто-биографическом отношении представляет ценность исключительную: в ней с любовной памятью записаны все подробности недели, предшествующей развязке, и с замечательной четкостью и какою-то особой прозрачностью письма отмечаются события смертной ночи: последние слова, последние секунды умирающего Чехова.

Несмотря на тяжкий недуг, Чехов не переставал выдумывать сюжеты для небольших юмористических рассказов. За *несколько часов* до смерти он, смеясь, передавал содержание только что им сочиненного анекдота о каких-то любителях покушать—иностранцах, отдыхающих на модном курорте: гастрономы возвращаются с прогулки в надежде на тонкий обед; но оказывается, что обеда не будет: повар отеля сбежал! И Чехов, фантазируя на эту тему, представлял в разных комбинациях этих оставленных без обеда обжор... Это он сочинял под вечер того знойного июльского дня, который оказался последним днем его жизни: ночью он почувствовал приближение смерти и сам, в первый раз за все время болезни, попросил послать за доктором. Пришел доктор. Велел дать шампанского. «Антон Павлович сел и как-то значительно громко сказал доктору по-немецки (он очень мало знал по-немецки): «Ich sterbe. Потом взял бокал, повернул ко мне лицо, улыбнулся своей удивительной улыбкой, сказал давно я не пил шампанского..., покойно выпил все до дна, тихо лег на левый бок и вскоре уснул навсегда...»

Есть еще одна интересная для истории творчества Чехова подробность в воспоминаниях О. Л. Книппер. Это ее припоминание о том, что в последний год жизни у А. П. была мысль написать пьесу. Она была еще неясна, но он говорил, что герой пьесы—ученый—любит женщину, которая или не любит его, или изменяет ему. И вот этот ученый уезжает на дальний север. «Третий акт ему представлялся именно там: стоит пароход, затертый льдами, северное сияние, ученый одиноко стоит на палубе, тишина, покой и величие ночи, и вот на фоне северного сияния он видит—проносится тень любимой женщины...»

Воспоминания Вас. И. Немировича-Данченко, помещенные в изданной в Ревеле книге его «На кладбищах», дают мало нового и ценного, но, написанные живо, в тоне непринужденной беседы о том, что

вспоминалось, они прочтутся, однако, с интересом, хотя почтенный мемуарист во многом и не точен.

Воспоминания охватывают целый ряд встреч Вас. Ив. Нем.-Данченко с Чеховым (в Ницце и в Петербурге, главным образом). Есть несколько небезынтересных подробностей чисто биографического значения: так, с помощью воспоминаний В. И. Немировича-Данченко можно теперь расшифровать довольно загадочную запись в дневнике Чехова от 7 октября 1897, в которой глухо говорится: «признание шпиона». Оказывается, в Ницце с Чеховым действительно встретился шпион—агент царской охраны, прикомандированный следить за русскими. Он рассказывал о своей профессии Чехову, передав немало любопытного из своей биографии.

Есть в воспоминаниях В. И. Немировича-Данченко и неточности. Говоря, напр., о чеховских замыслах, он передает содержание рассказа «На подводе», уверяя, что Чехов так и не вернулся к этому сюжету.

Список «зарубежных» воспоминаний о Чехове за пятилетие исчерпывается указанием на сентиментальные страницы Ев. Чирикова «Девушка с цветами» (в 12 № журнала «Слово», изд. в Берлине под редакцией А. Дроздова, за 1922 г.) Как это и явствует из заглавия, речь идет о некоей девице, преподнесшей Чехову букет цветов. Стил и тон—излюбленного всеми провинциальными барышнями романа «Жизнь Тарханова»: вялый, сладкий и фальшивый. О Чехове ничего нового, кроме того, что он «грустил и любил цветы»...

Из воспоминаний о Чехове, появившихся в советской периодической печати, можно указать лишь на «Листки воспоминаний» И. А. Белоусова (в «Московском Понедельнике», № 2 от 26 июня 1922 г.). В них—бесхитростный, местами несколько наивный, но очень искренний по тону рассказ о молодых годах Чехова. Есть и одна любопытная для истории чеховского творчества подробность, позволяющая установить «зерно» рассказа «Архиерей». И. А. Белоусов вспоминает о некоем молодом человеке, постоянном участнике тех скромных загородных прогулок (в Нескучный сад, главным образом), которые так любил Чехов... Этому юноше Чехов все предсказывал, что он будет архиереем. Очень много лет спустя, уже после смерти А. П., И. А. Белоусов увидел в ялтинской даче Чеховых портрет незнакомого архиерея, который, по свидетельству М. П. Чеховой, и оказался тем самым молодым человеком, которому предрекал некогда Чехов епископский сан...

IV.

Не велика и критическая литература о Чехове за пятилетие 1917—22 г. Наиболее ценной в ней работой нельзя не признать статью М. Григорьева «Приемы сценического воздействия на зрителя в пьесах Чехова» (журнал «Горн», кн. V, изд. Моск. Пролеткульта, 1920 г.) В ней дается анализ изобразительных и воздействующих на психику элементов в пьесах Чехова. Работа выполнена с большим вни-

манием, не без некоторого, впрочем, излишнего перегибания в сторону чисто формального метода. Но, памятуя о полном отсутствии исследований в области методологии чеховского сценизма, она должна быть принята с особенным интересом.

Автор устанавливает, что к основным приемам воздействия на зрителя, к которым прибегает Чехов, надо причислить:

1) Введение музыки во все без исключения пьесы (играют, поют и говорят о музыке), 2) моменты «проводов и встреч», создающие определенное настроение; 3) включение монологов и речей о будущем, чем разбивается пессимистический колорит пьес; 4) передача «чувства семьи»; 5) контраст между комическим и драматическим, и гротескное начало, идущее параллельно с лирическим; б) воздействие на вкусовые ощущения зрителей (пьют, закусывают и говорят об еде).

Статья лишь намечает эти приемы, и кое в чем произвольна, но, повторяю, не может не быть отмеченной, как одна из кладущих основание теории чеховской драмы. К теории «постройки» чеховских пьес возвращает нас и предисловие Вл. И. Немировича-Данченко к монографии Н. Эфроса о «Трех сестрах» (изд. «Светозар», Пет. 1919), в которой дана история написания и постановки пьесы в Художественном театре. В предисловии к этому любовно выполненному исследованию, полезному в целях критико-библиографических, Вл. Ив. Немирович-Данченко дает очень ценные указания на ту манеру письма, которая оказывается наиболее ярко проявленной именно в «Трех сестрах». Основное в ней то, что Чехов очень искусно вводит как бы подводное течение пьесы, то внутреннее, всегда глубоко драматическое, содержание ее, которое внешне заслоняется неидущими к делу разговорами и диалогами, казалось бы, не имеющими прямого отношения к тому, что в данный момент должно особенно волновать действующих лиц.

В том же издательстве выпущена и монография Н. Эфроса, посвященная «Вишневому саду».

В «III Библиографическом Листе» (март 1922 г., изд. Рус. Библ. О-ва) помещена статья А. И. Малинина «Чехов в роли судебного хроникера», в которой дан беглый и очень нечетко сделанный анализ тех судебных отчетов, которые печатал Чехов в «Петербургской Газете» в 1884 г. по делу Скопинского банка. Эти отчеты, подписанные им псевдонимом «Рувер», не помещены в полном собрании сочинений Чехова, а между тем они представляют весьма значительный интерес для исследователей чеховского творчества. Процесс банка и его главного героя Рыкова был тогдашней злобой дня, и Чехов не раз к нему обращался в своих мелких, забытых теперь, «осколочных» рассказах.

Среди трудов чисто библиографических надо указать на главу о Чехове в книге проф. Н. К. Пиксанова «Два века русской литературы» (Гос. Изд. М. 1923), в которой, среди списка работ по русской литературе, указан и ряд тем по изучению чеховского творчества. Темы выбраны очень интересные и снабжены ссылками на соответствующую литературу. Это, главным образом, темы по поэтике Чехова и среди них

та, которая привлекла внимание и самого составителя указателя, тема о «Степи», в которой особенно важно, конечно, проследить новый этап в чеховской поэтике в момент перелома его творчества, отходящего от новеллы к повести. Об этом переходном, переломном, моменте говорит и указанная выше статья Н. К. Пиксанова «Чехов за работой над «Степью» («Моск. Понедельник», № 6. 1922 г.). Вообще надо отметить возрастающий интерес именно к изучению поэтики и методологии чеховского творчества. Группа молодых исследователей, работавших в чеховском семинарии под руководством Н. Л. Бродского, коснулась ряда тем в этой области («Эстетика Чехова», «Драматургия Чехова», «Чувство природы у Чехова») — но эти работы остаются неопубликованными. Не напечатан и законченный в 1922 г. большой труд И. Ф. Масанова «Библиография сочинений Чехова», являющийся переработкой первого издания, сыгравшего в свое время огромное значение в деле установления чеховских текстов и дат появления чеховских рассказов.

Р. S. К моменту выхода этого № «Печати и Революции» появился еще целый ряд статей и книг, посвященных Чехову и датированных 1923 годом; регистрируем их в виде естественного продолжения «Чеховианы» за пятилетие—1917—1922 гг.

I. Сочинения и письма Чехова. 1) *А. П. Чехов. Избранные рассказы.* Выпуск 1, 2 и 3. Гос. Издат. М.—Птр. 1923. Серия «Классики русской литературы». 2) *Он же. Избранные пьесы.* В том же изд-ве, той же серии. И рассказы и пьесы напечатаны по изданию А. Ф. Маркса и сверены с первоначальными текстами; редакция С. Д. Балухатого. 3) *Он же. Неизданная пьеса.* (Из материалов Центрархива). Изд. «Новая Москва». М. 1923. Текст приготовил к печати и снабдил предисловием Н. Ф. Бельчиков. 4) *Он же. Избранные рассказы для детей.* Вып. I. Гос. Изд. М.—Птр. 1923. Редакция, биогр. очерк и примеч. Б. Соболева. 5) *А. П. Чехов и В. Г. Короленко.* (Переписка). (По материалам Музея им. Чехова в Москве). Ред. Н. К. Пиксанова, примеч. Л. М. Фридкеса. М. Изд. Сытина. 1923.

II. Материалы для биографии А. П. Чехова. 1) *Дерман, А. «Академический инцидент».* (История ухода из Академии Наук В. Г. Короленко и А. П. Чехова, в связи с «разъяснением» М. Горького.) (По материалам архива В. Г. Короленко.) Крым. Издат. «Симферополь». 1923.

III. К истории творчества Чехова. 1) *Мих. П. Чехов. Антон Чехов и его сюжеты.* М. 1923. 2) *Балухатый, С. Неизданные материалы чеховской комнаты в г. Таганроге.* Альманах «Литерат. Мысль». Изд. «Мысль». Птр. 1923. Описание и воспроизведение рукописей Чехова, находящихся в чеховской комнате при библиотеке им. А. П. Чехова в Таганроге. Рукописи: 1) Гимназическое сочинение Чехова «Киргизы»; 2) Черновик юмористического произведения «Письмо в Редакцию»; 3) Черновик юмористических «Реклам и объявлений»; 4) Рассказ «Тайны сто сорока четырех катастроф или Русский Ракамболь»; 5) Две-

надцать писем Чехова. С. Балухатый дает также опись всех документов, хранящихся в чеховской комнате, относящихся к разным периодам жизни Чехова, и автографов на его книгах.

Работа С. Балухатого по своему содержанию, относящемуся, главным образом, к истории одного из чеховских музеев тесно соприкасается со статьями Е. Лойтнеккера в «Вестнике Просвещения» (кн. I—1922 г.) и Ю. Соболева в «Москов. Понедельнике» (кн. 12 от 4-IX-1922), посвященными истории и описанию музея им. Чехова в Москве.

3) Елеонский, С. К истории драматического творчества А. Н. Островского. Предвосхищенный замысел «Вишневого сада». Сборник «А. Н. Островский» под ред. П. С. Когана. Изд. «Основа». Иваново-Вознесенск. 1923. Попытка установить степень влияния комедии Островского и Соловьева «Светит, да не греет» на «Вишневый сад» Чехова.

IV. Оценка творчества. 1) Заславский, Д. Евреи в русской литературе. Сборник «Еврейская летопись». Изд-во «Радуга». М.—Птр. 1923. [Об евреях в изображении, стр. 83—86.] 2) Лундберг, Евг. От вечного к переходящему. Сборник статей. Издат-во «Скифы». Берлин. 1923. [О Ч.—статья «Пути к молчанию». Рецензия на книгу см. газету «Накануне». Берлин. 4-III-1923.] 3) Львов-Рогачевский, В. Новейшая русская литература. Изд-во Центросоюза. М. 1923. [О Ч.—глава V «Чехов и новые пути». Стр. 122—130.] Он же. А. П. Чехов в воспоминаниях современников и его письмах. Изд-во «В. Думнов, насл. бр. Салаевых». М. 1923. Рыбникова, М. Изучение родного языка. Заметки и задачи. Выпуск I. Госиздат. Минск. (В главе «Эпитет» — стр. 82 — очень ценные наблюдения над эпитетом, метафорой и сравнением у Ч., составляющие значительный вклад в поэтику чеховского творчества). Соловьев, Евг. (Андреевич). Очерки из истории русской литературы XIX века. Изд. 4-е, исправл. «Новая Москва». 1923. О Чехове: в главе «80-е годы и 90-е годы», стр. 617.

V. Библиография. В указателе «Художественная литература в оценке русской марксистской критики», составленном Р. С. Мандельштам (изд. Росс. Акад. Худ. Наук. Гос. Издат. 1923 г.) находим ряд ссылок на статьи о Ч., принадлежащих критикам-марксистам (покойным Шулятикову, В. Воровскому (Б. Адамовичу) и ныне здравствующим Луначарскому, Фриче и друг.). Эти работы пропущены в указателях литературы о Чехове Фомина (1900 г.) и Ю. Соболева (1914 г.).